

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|---|-----|
| ВВЕДЕНИЕ | 11 |
| Чувствительная тема, деликатная методология..... | 14 |
| ПЛЮЩ И РОМБ ЯПОНИИ | 22 |
| Вопрос о «социальном бандитизме» в Японии | 25 |
| Якудза и национальное строительство | 30 |
| Общество насилия | 37 |
| Социологическое и общественное происхождение якудза | 42 |
| Пролетариат буракумин..... | 48 |
| Сплетенные меньшинства..... | 50 |
| ОТ АЗАРТНОЙ ИГРЫ К ИГРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ | 53 |
| Азартные игры и притоны..... | 55 |
| Тэкия — особый случай..... | 59 |
| От бакуто к якудза..... | 64 |
| Черное золото угля | 66 |
| Азиатизм и ультранационализм | 72 |
| Дела и политика «Гэньёся»..... | 78 |
| Якудза как организаторы электорального вмешательства..... | 82 |
| Первые якудза | 84 |
| От северного Кюсю в Кобе и Осаку..... | 88 |
| ЯКУДЗА, АЗИАТИЗМ, ФАШИЗМ И ВОЙНА | 96 |
| Ультранационалистическое насилие..... | 99 |
| 1919–1921 годы: политизация якудза и тэкия | 104 |

| | |
|---|-----|
| Деятельность «Кокусуйкай»..... | 110 |
| Кровавые столкновения..... | 114 |
| Японский империализм и организованная преступность..... | 118 |
| Агентство Кодамы..... | 122 |
| Опиумная мафия..... | 126 |
| К военному поражению..... | 129 |

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИМПЕРИИ..... 133

| | |
|--|-----|
| 1945–1948 годы: тэкия и гурэнтай бросают вызов якудза..... | 134 |
| Император спасен, вместе с якудза..... | 141 |
| Поклонник Муссолини в команде Макартура..... | 147 |
| 1949 год: возвращение Кодамы..... | 150 |
| Ультранационализм Сасакавы..... | 155 |
| Основание империи Сасакавы..... | 159 |
| Возрождение «Кокусуйкай»..... | 164 |
| «Мацуба-кай»..... | 170 |
| 1960 год, кульминационный момент..... | 174 |

КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР:

ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА ДО «ПУЗЫРЯ»..... 179

| | |
|---|-----|
| От юаку к закону 1956 года..... | 179 |
| Черные туманы..... | 185 |
| Мечта об органическом слиянии преступного мира и ультраправых..... | 188 |
| Расцвет сокайя..... | 193 |
| Кодама и Lockheed..... | 196 |
| Экономический пузырь и «третья война в Осаке»..... | 200 |
| Банкиры-якудза..... | 208 |
| Спасти рядового Такэситу..... | 212 |
| Пузырь лопается. Скандал с «Сагава кубин»..... | 216 |
| Десятилетие, потерянное не для всех..... | 218 |
| Императрица Пузыря и другие скандалы..... | 221 |

| | |
|--|------------|
| ЗАКОН О БОРЬБЕ С БАНДАМИ И ЕГО ОГРАНИЧЕННОСТЬ | 225 |
| Предостережение Хамады | 227 |
| Контекст принятия закона против организованной преступности 1991 года | 231 |
| Содержание, эффективность и контрэффективность закона 1991 года..... | 234 |
| Разделение, а не распад | 240 |
| Перераспределение и перегруппировка | 245 |
| Вопрос наркотиков | 253 |
| СВЯЗИ С ПОЛИТИКОЙ В ХХІ ВЕКЕ | 257 |
| Правящие и оппозиционные партии..... | 257 |
| Взгляд на Корею | 261 |
| Взгляд на Китай | 267 |
| Ядерная империя | 270 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ: БЕСКОНЕЧНАЯ ИМПЕРИЯ | 277 |
| Современность единой Японии | 278 |
| Система «баш на баш»..... | 284 |
| Что такое коррупция?..... | 287 |
| Фасад, драматическая игра и нигилизм..... | 290 |
| Двойная игра..... | 294 |
| Грязная работа | 298 |
| ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ | 305 |
| ПРИМЕЧАНИЯ | 309 |

Якудза не зависят от установленных норм. Или, по крайней мере, объявляют себя независимыми, а те, кто восхищается их подвигами, верят в это. Потому-то они никогда не носят часов, считая их наручниками. Не носить часы и быть свободными от времени — вот подлинный знак их свободы.

МАРУЯ САЙИТИ. Один в поле
(Татта хитори-но ханран, 1972 г.)

ВВЕДЕНИЕ

Якудза — неотъемлемый элемент социокультурного ландшафта Японии. Даже те, кто никогда не сталкивался с ними лично, легко представляют себе этот образ благодаря кино, литературе или манге: это может быть грубый тип с набриолиненными волосами, в темных очках, гавайской рубашке и лакированных остроносых туфлях, или молчаливый старик в кимоно, затаившийся в своем логове в окружении подручных, готовых выполнить приказ, поклонившись на татами. А то и вовсе полубоженный мужчина, чье тело покрыто яркими татуировками. Или же бродяга — этакий современный Дон Кихот, бунтарь без причины, слегка романтичный, откровенно нигилистичный, отчаявшийся сам и внушающий отчаяние окружающим. И наконец, куда более редкий образ — деловой человек в галстуке, сидящий за компьютером в своем офисе. Это наиболее вероятный сегодня, но все еще малоизвестный облик японского крестного отца.

Якудза кажутся обособленными, скрытой, тайной частью японского общества, которое и само по себе остается загадочным. Их демонстративные мужественность и брутальность противостоят образу покорной, но утонченной *гейши*. Кажущиеся непобедимыми благодаря своему могуществу, они в то же время могут оказаться проигравшими на большой дистанции — будь то война банд или сама жизнь. Кроме того, в качестве героев кино и литературы они заставляют зрителей

и читателей испытывать сильные эмоции. Но и вне созданного экзотического образа они воплощают силу, к которой, осознанно или нет, тянутся люди.

Японские гангстерские фильмы, зачастую заказанные как бывшими якудза, так и действующими членами группировок, снятые с их же участием в массовке, также усиливают эффект правдоподобия. В свое время публика ломилась на такие фильмы. Однако это вовсе не значит, что зрители собирались покрывать себя татуировками или отрубать мизинец в знак искупления позора, как делали герои на экране. Сейчас, конечно, криминальный мир уже не так популярен.

Успех от этого эффекта правдоподобия доставался не только актерам-японцам. Например, Ален Делон, сыгравший хладнокровного и методичного убийцу в фильме «Самурай» (1967, реж. Жан-Пьер Мельвиль), где японское название трактуется несколько вольно, многих поразил в Японии. Там он стал социальной (и рекламной) иконой, а его японский «аналог» из того же поколения Такакура Кэн* завоевал западную, преимущественно женскую, аудиторию.

С философской точки зрения история предполагает прогресс и неминуемый триумф демократии над тираническими формами правления. Вследствие чего организованная преступность должна относиться к архаичным, практически феодальным социально-экономическим структурам и ей суждено исчезнуть под натиском современности. Однако якудза по-прежнему многочисленны и могущественны в Японии — демократической, индустриальной и технологичной стране.

* Здесь и далее японские имена даны в соответствии с японской традицией: вначале фамилия, затем имя. — *Прим. ред.*

Что это, исключение или своего рода отставание? Факт существования организованной преступности в других странах доказывает: постановка вопроса неверна. Сравнение с другими случаями, в частности с сицилийской мафией, позволяет выявить общие черты у организованной преступности на разных континентах, демонстрируя, что ничего экзотического в этом явлении нет.

Феномен якудза имеет четкую историческую датировку и географическую локализацию. Конечно, бандитизм существовал в Японии всегда, но можно ли считать его явлением того же порядка? Да, в XIX веке существовали маргинальные группы, действующие вне закона, но были ли они предшественниками первых якудза? И действительно ли самурайский кодекс *бусидо** придумали преступники?

Безусловно преступники нарушают закон, но их никак нельзя назвать революционерами. У них нет проекта переустройства общества. В лучшем случае преступность пропагандирует помощь вдовам и сиротам, защиту слабых. Ее покровительственность позволяет компенсировать недостатки государственной поддержки и иногда обеспечивает ей лояльность общества. Для Японии характерна историческая связь преступного мира с ультраправыми по трем направлениям: идеология, действия и организация. Таким образом, история якудза — это во многом история японского ультраправого движения.

Эта книга предлагает несколько гипотез о связи между якудза, национализмом, капитализмом и движением

* Бусидо (яп.) — «путь воина»; обычно понимается как некая совокупность норм и правил, составляющих «кодекс самурая». Основным текстом, содержащим эти нормы и правила, считается многотомный трактат под названием «Хагакурэ» («Сокрытое в листве», 1716). — *Здесь и далее прим. науч. ред., если не указано иное.*

люмпен-пролетариата, в том числе и в наше время, когда нельзя не учитывать влияние нигилизма. Особое внимание в ней уделяется глубинным антропологическим связям. Сочетая этнографический подход, политическую историю и географический (или геополитический) контекст, автор стремится избежать ловушек эссенциализма, культурного упрощения и фольклоризма.

Анализ закона 1991 года, официально направленного на борьбу с организованной преступностью, и его последствий раскрывает масштаб политического вопроса, а именно глубинную двойственность государства. Осознание этого актуально как для Японии, так и для других стран. Однако рассуждение о политике Японии в конечном счете приводит к вопросу о реальной природе ее демократии и попытке понять роль символичной фигуры, иногда полностью скрытой, а иногда такой же заметной, как якудза. Речь идет об императоре, *тэнно*, или «монархе» в современной терминологии.

Чувствительная тема, деликатная методология

По определению, криминальный мир ведет свои дела в тени. Но каким-то образом он должен демонстрировать свое существование, иначе угроза, позволяющая ему манипулировать другими, останется лишь виртуальной. Якудза любят, когда о них говорят, пусть даже плохо, но не следует при этом заходить слишком далеко. Эта склонность к дозированной открытости позволяет получить определенное количество информации, часто из первых рук, поскольку японские крестные отцы любят откровенничать.

Иногда они пишут мемуары. Известно также, какая территория подконтрольна якудза. Их достаточно легко опознать на улице или в баре. Благодаря новому закону, обязывающему любую банду регистрироваться и указывать адрес своей штаб-квартиры, каждый может узнать даже ее официальное местоположение.

Якудза нуждаются в определенной форме легитимации. Их лидеры поняли, что культурные, социальные и антропологические аспекты этого явления с его ритуалами, кодексами и обычаями можно сделать в некотором роде привлекательными, демонстрируя лишь их внешние проявления. Некоторые бандитские татуировки так красивы! Неужели не существует японских Робин Гудов? Разве мы жестокие громилы? Разве за теплом стаканчиков саке, которыми обмениваются при посвящении, не раскрывается почти нетронутый мир древних традиций? «Кодекс чести» не может быть пустым звуком!

Вывод, который делает на итальянском примере криминолог Клотильда Шампераш, справедлив и для Японии: «стремление к легитимации — неотъемлемая черта любой мафии. Изначально это проявляется в создании оправдывающих мифов, среди которых главенствует образ “человека чести” и его кодекс поведения. Мафиози как “социальный предприниматель” участвует в построении мифа о “хорошей мафии”. Мафиози предоставляет рабочие места, доходы, позиционируя себя не только как бизнес-лидер, но и как институцию, прибегая к которой можно получить доступ к повседневным товарам и услугам. Перераспределение ресурсов почти безболезненно заменяет насилие в качестве метода получения максимального контроля над населением»¹.

Тем не менее понять детали этого механизма — задача не из легких. Необходимо выбирать крайне деликатную

методологию исследования из-за характера «источников». Часто целью журналистских расследований, более или менее подробных, становится поиск сенсаций или страшных подробностей. И любопытство к экзотике, которое изначально сопутствует восприятию Японии, может препятствовать критическому взгляду и необходимой дистанции. Подобные исследования порой становятся предвзятыми, поскольку привлекают японские источники, предоставляющие только «удобную» информацию — из стремления создать положительный образ страны.

Ярким примером мифологизации служит история, связанная с возникновением группировки «Айдзукотэцу-кай»*. Основатель банды, от которой она ведет свое начало, Косака Сэнкити (1833–1885), часто упоминается как «странствующий рыцарь» (*кёкаку*), находившийся под покровительством рода Айдзу, который вернул себе милость при новой власти эпохи Мэйдзи**. Он стал профессиональным игроком (*бакуто*) и за эту деятельность был заключен в тюрьму на срок около десяти месяцев в 1883–1884 годах.

Однако у него было и другое занятие: он был исполнителем *нанива-буси****, песен, также известных под названием *рокёку*, которые обычно сопровождаются игрой на *сямисэне*

* Айдзукотэцу-кай (яп.) — букв. «Общество короткого клинка Айдзу». Айдзу в данном случае — область в префектуре Фукусима.

** Мэйдзи (1868–1912 годы) — период в истории Японии, связанный с освоением западного опыта, технологий и обычаев. Император был формально восстановлен в правах, но к его традиционной функции верховного жреца синтоизма на символическом уровне добавились черты образцового просвещенного западного монарха. Реальная же власть принадлежала кабинетам, созданным по западной модели.

*** Нанива-буси (яп.) — жанр песенного сказа, популярный в период Эдо (1603–1868 годы).

(людне). Произведения этого жанра, зародившегося в регионе Кансай*, исполнялись в специальных залах, а затем и в театрах, которые стали открываться в конце эпохи Мэйдзи. Нанива-буси «повествуют истории о великодушных героях, преданных вассалах или добродетельных женщинах, которые всегда остаются верны чувству долга (*гири*), какие бы невзгоды им ни пришлось перенести»².

Иными словами, Косака сам сочинял истории, включая те, что служили его собственным интересам и интересам его криминального окружения. Учитывая невероятную популярность нанива-буси вплоть до середины XX века, можно понять, каким образом якудза создали собственную легенду и почему она оказалась столь живучей. Группировка бакуто, которую, как предполагается, основал Косака в 1868 году, не похожа на современную мафиозную структуру. Однако она послужила основой для ее формирования, в частности, благодаря сыну Косаки — Уносукэ, который в 1886 году создал настоящую преступную группировку «Айдзукотэцу-кай».

Трудности с получением информации создает и японская полиция. Руководствуясь официальными установками правительства и требованиями общественности, она считает делом чести не только взять под контроль преступный мир, но и покончить с ним. Полицейские отчеты о расследованиях, оформленные в виде «Белых книг», общедоступны и изобилуют данными, но носят парадоксальный характер. Они демонстрируют масштаб явления, подтверждая тем самым его реальное существование. В гонке за статистикой из года в год растет количество арестов, а преступлений

* Кансай (яп.) — регион на западе Японии, куда относятся Осака, Кобе, Киото и Нара и др.

меньше не становится: подобно Лернейской гидре, на месте отрубленных голов мгновенно вырастают новые.

С 1926 года полиция использует выражение «борёкудан» (что дословно означает «банды насильников») вместо слова «якудза» (официально термин «борёкудан» был закреплен законом 1991 года). Таким образом, японские стражи порядка указывают на реальные действия: принуждение с особой жестокостью, организованное групповое насилие... То есть полиция акцентирует внимание на видимой части преступлений, например уличных драках, фотографии которых охотно тиражируют СМИ. Но при этом оставляет невидимым самое главное: структурирование общества посредством системы покровительства, взыскания долгов и наложения обязательств.

Фактически мы сталкиваемся с проблемой корректной идентификации явлений организованной преступности, которую терминология, к тому же подвергаемая манипуляциям, передает не всегда адекватно. Благодаря кажущейся близости, представителей якудза и борёкудан зачастую объединяют в одну и ту же категорию преступности, в то время как между ними имеются существенные различия, в том числе связанные с историей их возникновения. Игроки — не то же самое, что уличные торговцы. Но именно из этих двух социальных групп, по мнению исследователей, сформировались якудза³. Они же держат дистанцию с бандитами и хулиганами.

Все эти миры существуют бок о бок, но отнюдь не смешиваются друг с другом. Это хорошо видно в районах *сакариба* — буквально «местах, где веселятся». В японском языке есть еще одно слово для названия подобных кварталов — *мидз сёбай*, дословно «торговля водой». На самом деле имеется в виду не вода, а удовольствия, которые могут принимать

жидкую форму (алкоголь, жидкости половой секреции, время). В один и тот же момент там не могут встретиться представители разных миров. Во время праздника уличные торговцы работают перед храмами и на улицах, игорные притоны же скрываются внутри зданий. Но есть и то, что их сближает: все они вне закона. Кроме того, у них схожая иерархическая структура (с соответствующей терминологией), похожие модели функционирования и, наконец, близкая идеология, связанная с японской имперской традицией.

У якудза есть собственные представители в прессе, оказывающие влияние на общественное мнение, так называемые журналисты *гокудо**. Буквально «крайний путь», так изначально обозначали человека, познавшего буддистский закон, однако позже это слово стало эвфемизмом, используемым якудза для самонаименования. «Журналисты *гокудо*» вращаются в среде якудза, получают необходимую информацию, которую при необходимости могут приукрасить или драматизировать. При этом они четко понимают, когда нужно остановиться.

Те, кто преступил границу дозволенного, хранят не лучшие воспоминания, если, конечно, остаются в живых. Например, бывший якудза, ставший писателем, Ацуси Мидзогуты был ранен ножницами за то, что «наговорил лишнего». Помимо «журналистов *гокудо*», есть и бывшие члены преступных группировок (а может, и не такие уж бывшие, поскольку бывших не бывает), которые либо рассказывают собственную историю, как Абэ Дзёдзи (1937–2019), либо берутся за романы о преступном мире, как Фудзита Горо (1931–1993), которого считают пионером этого жанра.

* Гокудо (яп.) — также «жестокий, злодейский, беспутный, безнравственный; злодей, негодяй, распутник».

Эти истории могли бы быть полезны в качестве свидетельств, но в них не всегда удается отделить правду от вымысла: чересчур романтично все изложено — кодекс чести, благородство, доблесть. Более полными, но все же до определенной степени, можно назвать книги ключевых действующих лиц, таких как Юкио Яманоути (р. 1946), долгое время служившего адвокатом клана «Ямагути-гуми». Кроме него, интересны материалы увлеченного историей журналиста Ино Кэндзи, историка-исследователя Миядзакки Манабу, имеющего якудза среди предков, или же криминологов, глубоко изучивших эту тему.

Якудза традиционно любят гангстерские фильмы, подобно советским руководителям, которые обожали Джеймса Бонда, и регулярно подбрасывают новые идеи и сюжеты для продолжения. Для этого даже существует специальная пресса — *дзицуваси*, «журналы правдивых историй». Очевидно, что в самом названии заложена ирония. В зависимости от своего направления то или иное издание публикует сплетни, скандальные происшествия с участием якудза, истории о привидениях, эротические рассказы, сопровождаемые пикантными фотографиями. Предоставляемая ими информация о преступном мире может быть полезной, но едва ли поддается проверке...

Западные исследователи, пытавшиеся совместить в своих работах исторический и антропологический подходы, представили механизмы функционирования якудза, их иерархию, ритуалы и свод правил (татуировки, стиль одежды, обычай отрезания пальца — *юбицумэ* — в качестве наказания)⁴. Сделав акцент на системе ценностей, которая якобы превращает якудза в современных рыцарей, они создали образ на стыке людей чести и «благородных разбойников»⁵. В этих исследованиях есть подробный разбор правонарушений и описание

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru